

Рафаэль Кормак

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ОККУЛЬТИЗМА XX ВЕКА

18+

Свет с Востока

Рафаэль Кормак
Подлинная история
окультизма XX
века. Свет с Востока
Серия «Исторический интерес»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73117293

Подлинная история окультизма XX века. Свет с Востока: Амттикус;

Москва; 2025

ISBN 978-5-389-31307-1

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

XX век, особенно межвоенный период, стал золотым веком окультизма. Спириты, ясновидящие, медиумы, факиры, духовные гуру, экстрасенсы – все убеждали людей в том, что незримые силы управляют человеческой душой и открывают сверхъестественные возможности, подобно вполне научным силам электричества и магнетизма. Эти окультисты провозглашали себя учеными и докторами. Европейский

рационализм и логика XIX века были дискредитированы кровавыми конфликтами XX века. Цивилизованный мир с надеждой взирал на Восток, стремясь увидеть там свет истины.

Опираясь на неизученные европейские и арабские источники, Рафаэль Кормак исследует две самые необычные и харизматичные фигуры той эпохи: Тахра Бея, покорившего Париж в роли духовного миссионера древних факиров; и доктора Дагеша, создавшего собственную панрелигиозную веру.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Пролог	7
Часть I	18
Глава 1	21
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Рафаэль Кормак

Подлинная история окультизма XX века. Свет с Востока

Истории Востока и Запада рассказывают только те, кто имеет самое поверхностное о том представление.

Таха Хуссейн (1889–1973)¹

Жажда чудес, любовь к фальши как таковой и ради нее самой распространена гораздо шире, чем любовь к истине.

Олдос Хаксли (1894–1963)²

Raphael Cormack

HOLY MEN OF THE ELECTROMAGNETIC AGE

A Global History of the Uncanny in the 1920s and 1930s

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

© Raphael Cormack, 2025

© Новикова Т. О., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-

* * *

История оккультизма XX века – это поистине глобальная история, где духовные движения Востока и Запада взаимодействовали самым неожиданным образом. Процесс охватил шесть континентов, кабаре Монмартра и Каира, улицы Бейрута золотого века этого города, ретриты йоги Лос-Анджелеса, бунты Иерусалима и карнавалы Рио. Мы станем свидетелями самых катастрофических событий XX века: пожара в Смирне, Великой революции в Палестине, оккупации Парижа нацистами и гражданской войны в Ливане. В книге появятся бездомные мигранты, палестинский поэт-националист, англо-американский физик, ливанский художник, ближневосточный психолог и знаменитый индийский йог.

Рафаэль Кормак

Пролог

Давайте прогуляемся по Шестой авеню Манхэттена. Проходя через Сохо, вы увидите на западной стороне улицы скромный ангар с видом на небольшой парк и памятник национальному герою Уругвая Хосе Артигасу. Здание это расположено в отдалении от дороги и теряется в тени более крупного соседа, Форан-Билдинг, и его можно даже не заметить, но это одно из последних напоминаний о некогда яркой и процветающей глобальной субкультуре, пытавшейся изменить мир. Здесь находится художественный музей Дагеша, где размещена коллекция произведений искусства мистика-чудотворца, известного под именем доктора Дагеша Бея. В конце 1920-х годов он появился в Иерусалиме и демонстрировал чудеса, противоречащие общеизвестным законам природы.

Доктор Дагеш, что признавали даже его враги, обладал потрясающей харизмой. В рассказы о нем трудно поверить. Он занимался материализацией предметов, исцелял больных и даже общался с духами умерших. В середине XX века, задолго до того как его коллекция оказалась в Нью-Йорке, доктор Дагеш путешествовал по Ближнему Востоку, и его деяния в равной мере возбуждали, озадачивали и оскорбляли. В Палестине его обвинили в том, что он использовал свои сверхъестественные способности, чтобы лишить бога-

тую вдову ее состояния. Через несколько лет в Бейруте он создал собственное религиозное движение «дагешизм», к которому примкнули многие члены просвещенной элиты страны, что повергло в ужас власть имущих.

Сколь бы увлекательна ни была история доктора Дагеша, он являлся всего лишь малой частью крупного международного движения, достигшего расцвета после Первой мировой войны. Назовем это движение оккультизмом. Да, термин этот расплывчат и двусмыслен, но другого у нас нет. К оккультизму мы относим различные философские учения – от теософии и спиритуализма до розенкрейцерства и парапсихологии. В этом движении принимали участие эксцентричные и харизматичные гуру, пророки и шаманы. Насколько возможно дать определение, оккультизм (от латинского – «скрытый») – это система верований в то, что в нашей жизни есть нечто большее, чем воспринимаемый физический мир. Существуют и другие миры, которые невозможно в полной мере постичь средствами традиционной науки или логики, но которые обладают мистической властью над всеми нами. Такое мировоззрение основывалось на чуде, на вере в возможность настоящих чудес. Конечно, такое определение до неприятного напоминает базовое определение религии, и любые попытки определить оккультизм неизбежно будут пересекаться с определениями ряда традиционных религий.

Если найти хорошее, абстрактное определение оккультизма трудно, то, возможно, нам поможет определение исто-

рическое. Почти каждое современное оккультное движение прямо или косвенно берет исток из, казалось бы, незначительного события, произошедшего на ферме близ Нью-Йорка, примерно в 20 милях от берегов озера Онтарио. В 1848 году в Хайдсвилле две девушки, сестры Кейт и Мэгги Фокс, услышали таинственный стук в стену собственного дома. После поисков и размышлений они установили, что стучит призрак человека, который много лет назад умер в этом доме. Вскоре сестры нашли способ общаться с ним. Со временем девушки обнаружили, что могут спиритически общаться и с другими духами умерших. То, что могло бы остаться местной байкой о привидениях на страницах книг, посвященных локальной истории региона, быстро приобрело известность. Случай сестер Фокс захватил воображение людей всего мира, и к началу 50-х годов XIX века они стали международными знаменитостями. Начали появляться сообщения о том, что и другие люди, как сестры Фокс, научились общаться с духами, причем не только в США, но и в Гаване, Париже, Риме, Вене, Дамаске и Лондоне. Один американский писатель шутил, что смерть перестала быть концом светской жизни: прокладка «электрической телеграфной линии через Стикс еще до строительства такой же линии через Атлантику сделала смерть меньшей разлукой с друзьями, чем поездка в Европу»³.

Эти поразительные явления превратились в целое рели-

³ The Home Journal. 15 June 1850. P. 2.

гиозно-философское движение. Множество людей, разочаровавшихся в традиционных религиях и вдохновленных достижениями современности, увлеклись идеей открытия портала в мир мертвых. В XIX веке рухнуло множество барьеров – социальных, научных, экономических, – а теперь все более хрупким стал казаться барьер, разделяющий жизнь и смерть. Спиритуализм получил новое рождение. Говорили, что со спиритизмом экспериментировали такие известные люди, как Элизабет Баррет Браунинг⁴, королева Виктория, Чарльз Диккенс, Авраам Линкольн и Наполеон III. При отсутствии центральной организации и священных текстов на появление множества групп, придавших спиритуализму массу странных новых направлений, ушло всего несколько лет. В 1853 году некий Джон Мюррей Спир получил от великих духов (в том числе от Сократа и Бенджамина Франклина) подробные инструкции по строительству идеального общества. Следуя им, он создал севернее Нью-Йорка образцовую общину «Владение» (иногда ее называют «Гармония»). Вместе с последователями Спир работал над разнообразными проектами, даже пытался (естественно, безуспешно) построить вечный двигатель⁵. Паскаль Беверли Рэндольф изучал доктрины оккультных братств Ближнего Востока, а за-

⁴ Английская поэтесса викторианской эпохи, жена поэта и драматурга Роберта Браунинга. (*Примеч. ред.*)

⁵ О жизни и трудах Джона Мюррея Спира см.: John Benedict Buescher. *The Remarkable Life of John Murray Spear: Agitator for the Spirit Land.* Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2006.

тем вернулся в Америку, привезя с собой тайны гашиша и «секс-магии»⁶.

В XIX веке оккультизм рос и развивался и к началу XX века приобрел множество восторженных последователей. В первых рядах шли художники и писатели. Великий поэт У. Б. Йейтс и писатель Д. Г. Лоуренс увлекались эзотерическим движением теософии, созданным в 1870-е годы в Нью-Йорке эксцентричной русской дворянкой Еленой Блаватской. Автор книг о Шерлоке Холмсе Артур Конан Дойль в последние годы жизни был страстным сторонником спиритуализма. В оккультизме черпали вдохновение художники – от Василия Кандинского и Казимира Малевича до Хильмы аф Клинт и Пита Мондриана.

К необычным верованиям тянулись не только творческие личности, но и люди более приземленные и практичные, ученые и политики. Британский физик сэр Оливер Лодж в начале XX века активно исследовал паранормальные явления и много писал об этом. Русский царь Николай II и его супруга Александра Федоровна были очарованы харизматичным и весьма противоречивым Григорием Распутиным. Ученые исследовали паранормальные явления в Гарварде, Йеле и Сорбонне. В университете Лондона и университете Дьюка появились лаборатории парапсихологии. Почитайте почти о любой известной личности начала XX века, и вы обязательно

⁶ John Patrick Deveney. Paschal Beverly Randolph: A Nineteenth-Century Black American Spiritualist, Rosicrucian, and Sex Magician. SUNY Press, 1996.

но наткнетесь на упоминание об оккультизме: если им увлекались не они сами, то наверняка их тетушки, кузены или братья.

Пика популярности спиритуализм достиг после Первой мировой войны. Повсюду буквально кишели хироманты, ясновидящие, гипнотизеры, телепаты, заклинатели джиннов и спириты. В 1926 году одна женщина-медиум выступила перед конгрессом и заявила, что она «точно знает, что президент Кулидж и его семья проводили спиритические сеансы в Белом доме». Она также заявила, что знает нескольких сенаторов, которые регулярно пользовались услугами медиумов⁷. Двадцатые годы XX века стали для планеты временем кризиса и возрождения. На развалинах прошлого формировался новый мир, и возможным казалось почти все. Оккультная вера в существование иных миров была буквальной, но имела и метафорический аспект. Материальный мир был полон тягот, страданий и несправедливости. Дверь, открытая в мир духовный, сулила человечеству более светлое будущее. Оккультисты провозглашали себя повитухами новой современной эпохи, где будут возможны чудеса.

* * *

Рассказать полную историю такого огромного и неопреде-

⁷ Congressional Testimony Fortune Telling. First Session, 1926. P. 33. Белый дом эти обвинения отверг.

ленного движения, как оккультизм, просто невозможно. Это глубокий и мутный океан взаимосвязанных идей, сторонники которых опирались на самые разные философские течения и соединяли их собственными невообразимыми способами. В этой книге я расскажу о жизни двух человек, которые оседлали эту чудесную волну, чтобы сыграть собственную малую, но очень важную роль в международной истории оккультизма начала XX века. Их истории, которые проведут нас по всему современному миру, почти забыты, но они воплотили в себе надежды, тревоги и неврозы этой непростой эпохи.

Первый из этих людей, доктор Тахра Бей, родился в Стамбуле, путешествовал по Европе и руинам Восточного Средиземноморья. В 1925 году он в качестве беженца добрался до Франции. В Париже он провозгласил себя «египетским факиром», наследником рода восточных мистиков. Его способность манипулировать собственным телом, используя силу разума, сделала его настоящей сенсацией. Пришелец с Востока умел управлять частотой сердцебиения, прокалывал себя острыми лезвиями, не испытывая боли, и даже полностью «выключал» собственное тело, входя в состояние подобное смерти, которое длилось часами, а то и днями. Он даже позволил похоронить себя заживо. После этого потрясающего дебюта Тахра Бей стал звездой европейских сцен. Огромные толпы собирались, чтобы увидеть эти удивительные чудеса во плоти.

Тахра Бей прибыл в Европу, только начинавшую оправляться после катастрофических событий Первой мировой войны и искавшую истины в новых местах. Одетый в экзотические восточные одеяния и говоривший о забытых духовных практиках Востока Тахра Бей дал европейцам именно то, что они хотели услышать. И это сделало его не только знаменитым, но и очень богатым. Его выступления приобрели такую популярность, что на Западе появилось множество фальшивых «египетских факиров». Влияние Тахра Бея быстро распространялось – увлечение факиром охватило весь мир, от Варшавы до Лос-Анджелеса. Многие фальшивые факиры, подражая ему, добавляли к своим именам оттоманский титул «бей» (аналог «сэра»). Появились Рахман Бей, Татар Бей и Тхавара Рей, который явно не понимал значения слова «бей». Некоторые из них продержались лишь несколько месяцев, но были и те, чья слава длилась несколько десятилетий. Один из таких подражателей, Гамид Бей, путешествовал по Америке в конце 1920-х – начале 1930-х годов, а затем основал собственное духовное движение. Он поселился в Голливуд-Хиллз и сделал свой дом центром «Коптского братства Америки», которое существует и по сей день, спустя много лет после смерти своего основателя.

Вторая часть этой книги посвящена истории доктора Дагеша и ближневосточного оккультизма. В то время, когда Тахра Бей поражал европейскую публику духовным контролем над физическим телом, доктор Дагеш распространял

собственную разновидность оккультного знания по арабскому миру. Доктор Дагеш появился в Иерусалиме в 1929 году. Он проповедовал доктрину спиритуализма и изучал науку гипнотизма. Он стал одним из самых выдающихся деятелей арабского оккультизма. К тому времени, когда он осел в Бейруте и основал собственное религиозное движение, он уже стал человеком, являющимся абсолютным продуктом арабского мира XX века. Он не оперировал «мистическими тайнами Востока», которые не пользовались здесь той же популярностью, как в Париже или Нью-Йорке. Ближневосточные оккультисты использовали в своих интересах силу науки и прогресса и направляли регион к новому, современному и независимому будущему.

История оккультизма 1920-х годов – это поистине глобальная история, где духовные движения Востока и Запада взаимодействовали самым неожиданным образом. Процесс охватил шесть континентов, кабаре Монмартра и Каира, улицы Бейрута золотого века этого города, ретриты йоги Лос-Анджелеса, бунты Иерусалима и карнавалы Рио. И все закончилось в музее доктора Дагеша на Манхэттене. Мы станем свидетелями самых катастрофических событий XX века: пожара в Смирне, Великой революции в Палестине, оккупации Парижа нацистами и гражданской войны в Ливане. В работе над этой книгой я использовал исторический материал со всего света и источники, написанные на самых разных языках, в том числе на арабском, армянском, турецком,

французском, греческом, португальском, итальянском и английском. В книге появятся бездомные мигранты, палестинский поэт-националист, англо-американский физик, ливанский художник, ближневосточный психолог и знаменитый индийский йог.

Межвоенный период стал временем великого противостояния рационального и мистического мировоззрения. Это столкновение историк Джеймс Уэбб назвал «одним из величайших сражений XX века»⁸. Я расскажу историю этой войны с точки зрения проигравшей стороны. Оккультизм основывался на обещаниях, связанных с метафизическим миром, скрытым от глаз, где законы природы и логики неприменимы. В хрупком и постоянно меняющемся мире начала XX века эзотерика стала идеальной питательной средой для мошенников. В 1920–1930-е годы множество шарлатанов, фантастов и жуликов, вооруженных лишь собственной харизмой и громогласными утверждениями, вербовали сторонников и создавали целые культы. Ни Тахра Бей, ни доктор Дагеш не избежали обвинений в мошенничестве и жульничестве. У обоих были серьезные проблемы с властями. Были ли они отважными визионерами или нечистоплотными мошенниками? Следовали ли они за благородной мечтой или опасной фантазией? Преданные адепты яростно защищали своих пророков, утверждая, что все новое и необъяснимое всегда поначалу сталкивается с противодействием.

⁸ James Webb. *The Occult Establishment*. La Salle, Illinois: Open Court, 1976. P. 7.

Скептики не так в этом уверены, и многие выступают активно враждебно: новое еще не означает хорошее и правильное.

Конфликты между оккультистами и скептиками стали главными битвами 1920–1930-х годов. В этот период многие пытались отбросить скомпрометированные идеалы прошлого, чтобы устремиться в светлое будущее. Логика XIX века была дискредитирована событиями XX века. Тахра Бей и доктор Дагеш предлагали новой эпохе новую логику, построенную на иных основах. Как и их современники сюрреалисты, они восставали против буржуазного рационализма, чтобы создать что-то новое. Эти святые могли казаться странными и необычными, но они находились на острие современных дебатов. Главный вопрос оккультизма был также и главным вопросом XX века: возможно ли существование иного мира?

Часть I

Странное и чудесное

Предельно иррациональным образом реагируем мы на факты. Без плана и фундамента строим мы наше будущее на зыбкой почве конкретных обстоятельств и подвергаем его разрушительному воздействию хаотических смещений и передвижений, характерных для этих обстоятельств. «Наконец-то твердая почва под ногами!» – восклицаем мы и... тонем в хаосе событий.

Альберт Швейцер. Культура и этика⁹

Надо сказать, что на Западе практически все потерялись так же, как и я. Так почему бы не испробовать Восток?

Элла Майярт. Жестокий путь¹⁰

⁹ Albert Schweitzer. Kultur und ethik. Munchen, 1960 (Благоговение к жизни. Перевод с немецкого Н. А. Захарченко и Г. В. Колшанского. Москва: Прогресс, 1973).

¹⁰ Ella K. Maillart. The Cruel Way: Switzerland to Afghanistan in a Ford. London: John Murray, 2021 [1947]. P. 33.

Факир Тахра Бей. 1928. Wikimedia Commons

Глава 1

Афинский Антихрист

В 1923 году Афины отчаянно нуждались в чудесах. Несколько месяцев в порт Пирея сплошным потоком прибывали беженцы, изгнанные из своих домов по всему Средиземноморью. Это было гнетущее зрелище. Сотни тысяч мужчин, женщин и детей бежали от войны и этнического насилия. Они плыли в Грецию на опасно перегруженных кораблях ради хоть какой-то безопасности. Один американский наблюдатель вспоминал эти забитые людьми корабли, которые несколько дней болтались в открытом море. У многих пассажиров не было ни еды, ни воды. Корабли были «переполнены настолько, что людям очень часто приходилось просто стоять на палубе за неимением другого места»¹¹.

Материально Афины не были готовы к появлению таких масс людей. Греция только что потерпела поражение в долгой и кровавой войне против зарождающегося турецкого государства. Прискорбное поражение стоило множества жизней и миллионов драхм. Национальный дух был подавлен, государственная казна пуста. В стране царил политический хаос. В 1920-е годы Афины были относительно небольшим,

¹¹ Henry Morgenthau. I Was Sent to Athens. Garden City, N.Y.: Doran, Doubleday & Co., 1929. P. 48.

сонным городком. Население всего региона не превышало полумиллиона человек. С сентября 1922 по конец 1923 года в Грецию прибыло около миллиона беженцев, и сотни тысяч осели в Афинах. С 1920 по 1928 год население центра Афин выросло на 54 процента, а население портового Пирея почти удвоилось¹².

Этот кризис пагубно сказался на перенаселенном городе, лишенном ресурсов, и справиться с ситуацией было нелегко. Повсюду строились разнообразные лачуги: власти отчаянно пытались обеспечить кровом вновь прибывших. Под жилье отдавали фабрики, склады и школы. Не избежал такой судьбы и национальный театр. Частные ложи, где некогда собиралась состоятельная элита города, превратились в квартиры для целых семей. Был принят закон о «принудительном гостеприимстве». Богатым людям пришлось открыть свои огромные дома и принять нуждающихся. Тех, кто отказывался, штрафовали, а деньги направляли на помощь беженцам. И все же этого было недостаточно. Многие беженцы не могли найти крова, а ведь приближалась суровая афинская зима. Люди спали на улицах, в наспех установленных палатках. У них почти не было одежды, чтобы согреться. Мир начал узнавать об ужасной ситуации в Греции. Наблюдатель от Лиги Наций посетил лагерь беженцев, где от холода и голода

¹² Pallis, A. A. The Greek Census of 1928 // The Geographical Journal. Vol. 73, no. 6, 1929. P. 547.

утром умерли пятеро детей, а накануне еще семеро¹³.

Кризис с беженцами в Греции привел к ряду гуманитарных миссий во всем мире. Многочисленные волонтеры из стран Европы и Америки приезжали протянуть руку помощи. Они открывали благотворительные кухни и строили целые лагеря, чтобы разместить людей. Многие описывали ужасы, свидетелями которых стали: люди в лохмотьях, молившие о куске хлеба, болезни, поражавшие убогие лагеря, дети, умиравшие на руках матерей. Эти письма часто попадали в газеты Западной Европы и Америки, побуждая людей жертвовать деньги или одежду благотворительным фондам, работавшим на местах.

В январе 1923 года греческое правительство объявило, что не сможет более принимать беженцев без международной помощи: у греков просто не осталось денег. В лагерях свирепствовали болезни, и многие греки стали более подозрительно относиться к вновь прибывшим. Некоторые врачи отказывались лечить беженцев, опасаясь риска заражения: «платным пациентам не нравится, что мы лечим тиф и оспу, а потом приходим к ним», – писал один из врачей. В газетах описывали страшную ситуацию в Эпире, сельском регионе на севере Греции: там зараженных беженцев запирали в амбарах и оставляли на волю судеб – те или умирали, или ка-

¹³ The Scotsman. 11 December, 1922. P. 8; Dimitra Gianulli. American philanthropy in the Near East: Relief to the Ottoman Greek refugees, 1922–1923, PhD Dissertation, Kent State University, 1992. P. 173–174; The Times of London. 11 January 1923. P. 12.

ким-то чудом выздоравливали¹⁴.

Когда беженцы оказывались в чужой стране, лишившись домов и прежней жизни и не зная, живы ли их близкие, они тянулись к сверхъестественному. Неудивительно, что в Афинах произошел всплеск увлечения оккультизмом. Одна женщина, которая, как и множество других, в хаосе прошлого года потеряла детей, пытаясь найти пропавшего сына, обратилась к гипнотизеру. Гипнотизер чудесным образом нашел потерянного мальчика в школе в центре Афин, и тот смог воссоединиться с матерью¹⁵. Люди, потерявшие родственников, были готовы на все.

Среди этих отчаявшихся беженцев возник молодой самопровозглашенный «факир» Тахра Бей. Весной 1923 года фотографии этого святого в одеянии бедуина аравийских пустынь стали появляться в греческих газетах. Он утверждал, что прибыл с Востока, чтобы творить необъяснимые чудеса для народа Греции, «страны пророчества... страны духа». Загадочным оккультным языком он рассказывал журналистам, что приехал в Афины, чтобы «доказать существование в каждом человеке таинственных сил», и обещал «дать каждому ключ, способный открыть запертую дверь мира, где дремлет могущественное человечество»¹⁶.

¹⁴ The Times. 2 February 1923. P. 11. Приводится в книге: Bruce Clark. *Twice a Stranger*. P. 142–143.

¹⁵ He Charauge tou anthropismou. 10 August 1923. P. 7–8.

¹⁶ He Charauge tou Anthropismou. 18 April 1923. P. 5.

Необычная внешность Тахра Бея и его речи о сверхъестественном кружили головы. Вскоре после прибытия в Афины его пригласили в местный журнал «Рассвет человечества», основанный в 1921 году. В этом журнале писали о современных оккультных течениях и греческих богах, и все это было приправлено каплей греческого национализма. Первый номер открывался поэмой в честь бога Солнца Аполлона, а затем следовало обещание раскрыть тайны, «скрытые во всем сущем и, в силу человеческого невежества и варварства, именуемые античной мифологией»¹⁷. Редактор сразу же увлекся Тахра Беем и его мистической силой, которая служила доказательством существования скрытых тайн. Он поселил факира в небольшом доме в рабочем квартале Метаксургио, расположенном к северу от Акрополя. В этом скромном беленом доме с зелеными ставнями и маленькой деревянной дверью с табличкой «Духовное братство: Добродетель» размещалась редакция журнала¹⁸.

Как только Тахра Бей поселился в этом доме, стали происходить необъяснимые события. Один торговец, который продавал греческий хлеб кулури с кунжутом, проходя мимо дома, обнаружил, что его товар загадочным образом пропал. Две молодые женщины получили таинственные письма. Когда они попытались показать эти письма своим матерям, письма волшебным образом исчезли. Пошли слухи о

¹⁷ He Charauge tou Anthropismou. 3 January 1921. P. 1.

¹⁸ Sphaira. 16 Juny 1923. P. 3.

том, что в маленьком доме творится что-то сверхъестественное. Старухи, проходя мимо, крестились. В одном журнале гостя города прозвали «Афинским Антихристом»¹⁹.

Постепенно становились известны новые способности Тахра Бея. Силой мысли он мог останавливать собственное сердце, прокалывать тело, не испытывая боли, и даже ловить пролетающие мимо пули, «словно конфеты»²⁰. Силой разума он мог управлять функционированием своего тела и испытывать или не испытывать боль в любой момент времени. Человек, видевший его позднее, вспоминал, что «он наносил себе раны, которые при обычных обстоятельствах вызвали бы серьезную травму или даже смерть»²¹. Но больше всего людей поразила его способность быть погребенным заживо на долгое время и восстать без малейшего вреда для себя. Тахра Бей утверждал, что способен входить в состояние анабиоза – своего рода живой смерти – и находиться под землей без воздуха в течение часов и даже дней.

В конце апреля 1923 года Тахра Бей согласился продемонстрировать свои способности ученым. Он выступил перед экспертами, среди которых были врачи и специалисты по паранормальным явлениям. В тщательно контролируемых условиях независимые эксперты наблюдали его чудеса, ко-

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Harry Boddington. The University of Spiritualism. London: Psychic Book Club, 1946. P. 263.

торые произвели на них огромное впечатление. Тахра Бей действительно мог останавливать функции собственного тела. Сначала он чудесным образом остановил свой пульс, что проверили врачи. Затем он предложил собравшимся втыкать в его тело 20-сантиметровые иглы. При этом он не испытывал боли, а из ран, что было совершенно необъяснимо, не текла кровь. И, наконец, он продемонстрировал искусство «каталепсии», сделав собственное тело безжизненным и твердым, словно сталь. Наблюдатели не смогли дать научного объяснения увиденному. Когда его спросили, как он все это делает, Тахра Бей ответил: «Силой воли и силой веры». Он напомнил народу Греции слова Иисуса о том, что «верующий способен даже сдвинуть горы»²².

В дальнейшем разговоре Тахра Бей сообщил журналистам, что его чудеса – это часть давней благородной традиции факиризма. Факиры («бедняки» на арабском) существовали за много веков до рождения Тахра Бея и являлись частью культур Ближнего Востока и Южной Азии. Поначалу так называли аскетов-мистиков суфийского ислама, которые отвергали ограничения физического мира, видя в них препятствия на пути к божеству. Они отказывались от богатства и телесных наслаждений и из религиозных убеждений вели простую жизнь в бедности. Некоторые суфийские ордена разработали особые ритуалы, демонстрирующие их отвращение к физическому телу. Они подвергали себя весьма бо-

²² He Charauge tou anthropismou.30 April 1923. P. 4–5.

лезненным истязаниям. Путешественник и ориенталист начала XIX века Эдвард Лейн описывал увиденное в одной египетской секте (почти то же самое Тахра Бей демонстрировал в Афинах): «они делают вид, что втыкают железные прутья в глаза и тела, не причиняя себе никакого вреда... Они также разбивают о грудь огромные камни... говорят, что они могут втыкать в себя целые мечи и протыкать щеки иглами, не испытывая никакой боли и не нанося себе никаких ран»²³.

К концу XIX века слово «факир» стало известно широкой публике, в частности благодаря рассказам европейских путешественников. Теперь факирами называли не только мусульман-суфиев, но и любых святых аскетов «Востока» (Восток также приобрел более широкий смысл). В Европе и Америке факиров чаще связывали с Индией, чем с Ближним Востоком. Индуисты и мусульмане демонстрировали поразительную выносливость и терпели страшную боль, доказывая свое благочестие. Они ложились на лежа, утыканные гвоздями, ходили босиком по горящим углям. Но индийские факиры обладали уникальной способностью (и Тахра Бей усердно развивал в себе этот навык): они могли оставаться погребенными заживо в течение долгого времени.

Знаменитая демонстрация этой невероятной способности произошла в 30-е годы XIX века при дворе махараджи Ла-

²³ Edward William Lane. An Account of the Manners and Customs of the Modern Egyptians. London: Charles Knight, 1836. P. 310.

хора Ранджита Сингха. Свидетелем был британский агент в Пенджабе Клод Уэйд. В его присутствии освободили факира, которого зашили в льняной мешок, поместили в ящик размером четыре на три фута и заперли в закрытом помещении на сорок дней. Доктор, сопровождавший Уэйда, был потрясен. Он описал момент, когда перед ними появился человек, который больше месяца оставался запертым в крохотном пространстве. С тела сняли мешок. Факир походил на труп – холодный, скорчившийся, без пульса. Помощник принялся быстро поливать тело теплой водой, смазал его глаза маслом гхи – и факир очнулся. Похоже, факир вошел в состояние глубокого анабиоза и на несколько недель остановил все телесные функции, но потом за несколько минут вернулся к жизни. Осмотрев этого человека, Уэйд не смог найти разумного объяснения увиденному и твердо уверился в том, что факир действительно остановил функции тела на время погребения²⁴.

К концу XIX века погребения факиров стали для иностранных путешественников по Индии настоящим туристическим аттракционом. А вскоре аналогичные демонстрации начали происходить и в Европе. На Парижской выставке 1889 года группа факиров из Северной Африки вошла в состояние транса и продемонстрировала пораженным зрителем

²⁴ Об этом случае писали многие: Reynolds Miscellany. 21 December 1850. P. 341; W. G. Osborne. The Court and Camp of Runjeet Singh. London: Henry Colburn, 1840. P. 129–138.

лям невероятные, порой пугающие чудеса. Эти люди погружали руки в горящие угли, глотали кактусы и прокалывали щеки ножами. В 1892 году в Берлинском Паноптикуме «факир Золиман» протыкал острыми язык, щеки и торс. Он даже вынул правый глаз из глазницы так, «что тот повис на нервах примерно на дюйм от щеки», а затем вернул его на место²⁵.

Тахра Бей создал собственный вариант этой древней традиции. Одетый, как арабский шейх, а не индийский нищий, он говорил возвышенно и высокомерно. Своей публике он обещал и развлечение, и просветление. Он соединил древние ритуалы с современной духовной философией и придал процессу такую театральность, что очень скоро превратился в мировую знаменитость.

Но Тахра Бей не входил ни в один суфийский орден и не был индийским йогом. Он не был даже арабским шейхом, хотя одевался соответствующе. В Афины его привела та же трагедия, что и тысячи других беженцев. Вместе с великим множеством людей он бежал от катастрофы, произошедшей после падения Османской империи – могучей державы, веками правившей гигантскими территориями в Европе, Азии и Африке.

Большую часть своей истории Османская империя являлась чрезвычайно пестрым политическим образованием, где

²⁵ Popular Science Monthly. June 1893. P. 192–196; Current Literature: A Magazine of Record and Review. April 1892. P. 548.

разнообразные религиозные и этнические меньшинства жили в относительной безопасности. Многие такие меньшинства процветали, а некоторые даже добились значительной власти внутри идеально сбалансированной системы, строившейся веками. После поражения в Первой мировой войне Османская империя понесла большие потери и практически рухнула, после чего на ее территориях началась вакханалия насилия. Прежняя логика лоскутной империи, объединившей под своим крылом разные народы, уступила место турецко-мусульманскому национализму. Меньшинства стали жертвами: их начали считать опасными чужаками, подрывными элементами. Общины восстали друг на друга, и территория, которая вскоре стала Турцией, была этнически очищена от сотен тысяч не-турок, живших на берегах Средиземного моря веками и даже тысячелетиями.

Большинство беженцев, прибывших в Афины, происходили из греческих общин. Греки жили в Малой Азии тысячи лет, а теперь их изгнали из собственных домов. Тахра Бей был армянином. Он принадлежал к христианскому меньшинству, широко распространившемуся по османским землям. Тахра Бей родился в Стамбуле около 1900 года. Настоящее его имя – Крикор Кальфаян²⁶. Кроме этого, сказать что-то определенное о ранних годах его жизни невозможно.

²⁶ Даже такие простые факты его жизни весьма спорны. В разных источниках утверждается, что он родился в 1887, 1897, 1900, 1901 или даже 1903 годах, но 1900 год называется чаще всего. Именно его Тахра Бей указывал в официальных документах, необходимых для путешествий.

В одном источнике упоминается, что мать умерла вскоре после его рождения и его воспитывала армянская община города. Мальчик курсировал между Кадыкёем, где родился, и Галатой, где на постоялом дворе работал его дядя. Сам Тахра Бей утверждал, что учился в престижной медицинской школе Хайдарпаша, но нам неизвестно, завершил ли он обучение. Впрочем, благодаря этой учебе он впоследствии стал называть себя «доктором».

В юности Тахра Бей начал экспериментировать с магией и гипнозом, хотя никаких документов, с этим связанных, не сохранилось. В детстве Крикор Кальфаян наверняка видел на улицах Стамбула множество публичных демонстраций поразительных чудес. Описывая свое детство в армянском квартале Стамбула в конце XIX века, армянская писательница Забел Есяян вспоминала яркие уличные представления «жонглеров, дервишей и магов»²⁷. Вполне возможно, что Крикор Кальфаян в подростковом возрасте и сам подрабатывал жонглером. Поступив в медицинскую школу, он стал более серьезно изучать оккультизм и все сверхъестественное. В 10-е годы XX века оккультизм в Стамбуле процветал. Множество разномастных ученых издавали книги и журналы, где обсуждали эзотерические учения. В начале десятилетия родившийся на Крите в семье османского чиновника писатель и переводчик Хасан Мерзук написал одну из

²⁷ Zabel Yessayan (trans. Jennifer Manoukian). *The Gardens of Silihdar*. Boston: Aiwa Press, 2014. P. 28.

самых важных оккультных книг своего времени «Разговоры с джинном», в которой излагал историю и доктрину «спиритизма, факиризма и гипнотизма»²⁸. Крикор Кальфаян одно время торговал книгами, и подобная литература вполне могла оказаться в его руках²⁹.

Историю ранних экспериментов со сверхъестественным подтвердить сложно. Тот же факт, что в юности Крикор Кальфаян столкнулся с настоящим геноцидом, общеизвестен. Когда Османская империя вступила в Первую мировую войну, армян, проживавших в Восточной Анатолии, сразу же заподозрили в стремлении подорвать империю изнутри. Напряженность в этнических отношениях существовала десятилетиями, и теперь она переросла в открытое насилие. Османские власти приняли позорное решение удалить армян из Восточной Анатолии – либо изгнать, либо убить. Они обрекли сотни тысяч людей на смерть, отправив их через пустыню. Многих убили, не дожидаясь депортации. За время войны погибло около миллиона армян. Древняя цивилизация исчезла с лица земли.

Хотя в Стамбуле тоже происходили убийства и депортация армян, город оставался одним из самых безопасных в Османской империи мест для этого народа. Большинству

²⁸ Özgür TÜRESAY. Between Science and Religion: Spiritism in the Ottoman Empire (1850s-1910s) // *Studia Islamica* 113, no. 2 (2018). P. 166–200; Hasan Merzuk Cinlerle muhabere yahud ispiritizm, fakirizm, manyatizm: tarifi, tarihi, malumât-i umumiye. Istanbul, Necm-i Istikbal Matbaası, 1912.

²⁹ Больше информации см.: Jamanak, 6 June 1926. P. 1.

стамбульских армян удалось пережить геноцид. Но, узнав, что произошло с армянами на востоке империи, где у многих были родственники, эти люди преисполнились страха, горя и тревоги. К 1916 году страшные истории о геноциде армян достигли Великобритании, и правительство опубликовало обширное досье с рассказами очевидцев. В документе, насчитывающем 684 страницы, содержались кровавые свидетельства, которые юный Крикор Кальфаян наверняка слышал в Стамбуле. Османская армия и вооруженные погромщики вырезали целые города и сжигали деревни. Здоровых мужчин уводили в пустыню, заставляли рыть себе могилы и убивали. Тысячи детей осиротели или были убиты. Жертв связывали, заставляли просовывать головы в проемы лестниц и обезглавливали. Изувеченные тела плыли по реке Евфрат, и их пожирали собаки и стервятники. «Они приходили в христианские деревни, – писал армянский свидетель. – Грабежи, разбои, резня и изнасилования стали нормой. Пострадали все деревни. Сначала они убили мужчин, потом взялись за женщин – тех, кому не удалось сбежать, – и увели их с собой для собственной забавы»³⁰.

Хотя подобная опасность стамбульским армянам не грозила, за ними пристально следили. Полиция наблюдала за общиной. По воскресеньям у церкви стояли полицейские,

³⁰ Arnold Toynbee and Great Britain Foreign Office. The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire: Documents Presented to Viscount Grey of Fallodon. London: Hodder and Stoughton 1916. P. 165.

которые проверяли документы прихожан³¹. Крикор Кальфаян рос, зная, каково это – быть чужаком. В 1920 году он покинул родной город и направился к дальним берегам. Об этом говорится почти во всех его биографиях, но три года жизни до прибытия в Афины окутаны тайной и слухами.

Самая подробная и увлекательная (хотя и необязательно самая достоверная) история рассказана в биографии, опубликованной в 1926 году в стамбульской армянской газете. В 1930-е годы ее с незначительными изменениями напечатали в турецком журнале. История начинается на борту греческого парома, который в июле 1920 года направился в богатый город Смирна на берегах Эгейского моря³².

Смирна – город с потрясающей историей. В XIX веке Смирна стала одним из самых оживленных портов Восточного Средиземноморья. Инжир и табак из Смирны славились по всему миру, и в эти изобильные годы здесь было сколочено немало состояний. Город наслаждался всеми видами современной роскоши: кинотеатры, рестораны, элегантные кафе и собственный оперный театр. Население Смирны представляло собой настоящий микрокосм стремительно гибнущего османского космополитизма. Армяне, евреи, греки и турки жили бок о бок с «левантскими» семьями фран-

³¹ Deniz Dölek-Sever (2017). Policing the ‘suspects’: Ottoman Greeks and Armenians in Istanbul, 1914–1918 // *Middle Eastern Studies*, 53:4. P. 533–550.

³² История жизни Тахра Бея в Смирне с июня по июль 1926 года печаталась в армянском журнале *Jamanak*, а с июля по август 1936 года (с незначительными изменениями) – в турецком журнале *Halkım Sesi*.

цузского и британского происхождения. По рассказам многих, довоенная Смирна напоминала рай на земле. «Над открытым рынком витали соблазнительнейшие ароматы: виноград, свежий инжир, абрикосы, дыни, вишня, гранаты – всего было так много, что даже самый последний бедняк мог прожить на фруктах и сыре. В сезон на улицах выстраивались корзины с розовыми лепестками. Варенье из розовых лепестков и тончайшие лепешки, пропитанные розовым сиропом, считались изысканным деликатесом для уважаемых гостей», – писала в 1960-е годы одна исследовательница, вспоминая расцвет города в начале XX века³³.

Прибыв в свой новый дом, Крикор Кальфаян быстро нашел себе место в большой армянской общине: Смирна, как и Стамбул, была одним из очень немногих мест Османской империи, где после геноцида сохранилось значительное армянское население. Армяне Смирны всегда были людьми просвещенными. С XIX века в городе кипела активная интеллектуальная и культурная жизнь. Многие армянские писатели, переводчики, журналисты и театральные деятели получили известность именно в Смирне. Первый полный перевод пьесы Шекспира на армянский был опубликован здесь в 1853 году – Арам Тетейян перевел «Комедию ошибок»³⁴.

³³ Marjorie Housepian Dobkin. *Smyrna 1922: The Destruction of a City*. Kent, Ohio: Kent State University Press, 1988 [1966]. P. 103.

³⁴ Sona Seferian. *Translators-Enlighteners of Smyrna* // Hovannisian ed. *Armenian Smyrna/Izmir*. Costa Mesa, California: Mazda Publishers, 2012. P. 158–165.

Для Кальфаяна город стал идеальным местом продолжения карьеры книготорговца. Он приобрел небольшой прилавок на рынке и стал зарабатывать на жизнь.

Крикор Кальфаян и в Смирне сохранил детский интерес к оккультизму. Однажды в разговоре с другим книготорговцем, хозяином магазина близ одной из армянских церквей, он случайно упомянул о том, что в Стамбуле изучал искусство гипноза. Его собеседник сразу же заинтересовался. После этого разговора он рассказал о молодом человеке своим друзьям, и те пригласили его продемонстрировать свое искусство. Кальфаян с радостью устроил демонстрацию гипнотических способностей. Гости так впечатлились, что предложили организовать публичное выступление в одном из множества клубов на набережной.

За несколько дней до выступления Кальфаян прогуливался по богатому пригороду Смирны, Будже. Эти холмы давно облюбовали состоятельные английские торговцы. Крикор шел мимо элегантных вилл и садов, наслаждался видами и цветами. И тут он бросил взгляд через ограду, и глазам его предстало шокирующее зрелище: старый армянский священник занимался весьма нехристианским делом с красивой молодой прихожанкой. Лицо священника, слившегося в любовном объятии с незамужней девушкой, накрепко отпечталось в памяти Кальфаяна.

Выйдя на сцену для демонстрации гипнотических способностей, Кальфаян оглядел собравшихся и совсем рядом со

сценой увидел того священника. Даже на заре карьеры Кальфаян был достаточно хитроумен, чтобы не упустить такую возможность. Он объявил зрителям, что может читать мысли. И тут же множество людей кинулись к сцене, чтобы он продемонстрировал эту способность на них. Но Тахра Бей отказался от услуг энтузиастов. Он, словно бы случайно, выбрал священника и сказал, что раскроет самые страстные желания священнослужителя.

Священнику такое внимание необычного человека, обладающего сверхъестественными способностями, не польстило. Он заявил, что у него самые неинтересные мысли: в его сердце живет лишь одна любовь, к Иисусу Христу. Почему бы не обратиться к более молодому человеку с более интересными тайнами? Но Кальфаян не отступил. Он жаждал раскрыть пикантную информацию о священнослужителе. Он объявил всем собравшимся, что священник влюблен в девушку из Буджи. И даже назвал адрес, на случай если кто-то захочет проверить истинность его утверждений. Именно там он видел парочку, обнимавшуюся посреди сада. Священник пытался все отрицать, но Кальфаян настаивал на своем. В конце концов священнику пришлось бежать из клуба.

Этот случай имел для молодого Кальфаяна непредвиденные последствия. Юноша очутился в эпицентре самых драматических и кровавых исторических событий 1920-х годов. Униженный священник оказался личным другом греческого генерал-губернатора Смирны, Аристидеса Стергиа-

диса. В ходе послевоенного передела мира в 1920 году Греция получила контроль над этим желанным портом Малой Азии. Стергиадису была поручена сложная задача поддержания мира между значительным греческим населением и другими общинами – еврейской, армянской и турецкой, – которые также считали Смирну своим домом.

Вдобавок к этому греческая армия вела ожесточенные бои с армией Турецкого национального движения, возглавляемого Мустафой Кемалем, которого позднее стали называть Ататюрком, Отцом турок. После Первой мировой войны по ряду договоров Греция получила Смирну и прилегающие земли, но хотела получить максимально возможную часть Малой Азии. Турецкая армия сражалась за создание нового национального государства на тех же территориях. Противники оказались равными, и ни одна из сторон не могла добиться победы.

В разгар этой геополитической драмы к Стергиадису с жалобой на безжалостного мучителя, гипнотизера и телепата Крикора Кальфаяна обратился оскорбленный священник. Греческий губернатор согласился помочь другу и вызвал армянского гипнотизера, чтобы тот объяснился. Но даже на допросе Крикор Кальфаян не отказался от своих слов, поскольку знал истину: у священника *действительно* была связь с девушкой из Буджи. Он спокойно предложил Стергиадису самому все разузнать, если тот сомневается в его словах. Поскольку Кальфаян был абсолютно уверен в себе, губернатор

послал в Буджу своих людей, и те подтвердили все, что гипнотизер говорил о романе священника. Кальфаян был оправдан, а Стергиадис так впечатлился ясновидением молодого мистика, что сделал его одним из своих приближенных.

Стергиадис настолько уверился в способности армянина предсказывать будущее, что поселил его на роскошной вилле и выделил большое денежное содержание. Он даже пригласил его на встречу с генералом Папуласом, главнокомандующим греческой армией, чтобы ясновидящий высказался по военным вопросам. Поначалу Кальфаян не спешил высказывать свое мнение и явно нервничал. Его уговорили предсказать развитие войны, опираясь на свои мистические силы, и он нехотя уступил. Он взял стакан воды, нарисовал на ее поверхности таинственные круги, и постепенно ему открылся ход будущих сражений и военных действий. Он сказал, что поначалу греки добьются успеха и смогут проникнуть вглубь Анатолии. Папулас пришел в восторг, но Кальфаян быстро охладил его пыл. Победа будет краткосрочной, и впоследствии турецкая армия возьмет реванш.

– Вы видите поражение? – с тревогой спросил Папулас.

– Да, ужасное поражение³⁵.

Подобные пророчества генерала не порадовали. Оскорбленный предсказанием Кальфаяна, он потребовал, чтобы Стергиадис изгнал армянского ясновидца из Смирны. Папулас был человеком очень влиятельным, и генерал-губернато-

³⁵ Halkım Sesi. 3 August 1936. P. 2 (translated by Elif Su Isik).

ру пришлось подчиниться, но (в этом варианте) он не бросил Крикора Кальфаяна полностью. Он посадил его на корабль, идущий в Афины, снабдив рекомендательными письмами. Когда корабль прибыл в греческую столицу, молодой Крикор Кальфаян удалился в свою каюту, надел факирское одеяние и, как истинный Супермен, превратился в Тахра Бея.

Конечно, его предсказание о ходе войны оказалось совершенно верным. К 1922 году военная удача была на стороне армии Турецкого национального движения Мустафы Кемаля. После ряда побед турки оттеснили греческую армию к Эгейскому морю. В начале сентября 1922 года потрепанные остатки греческой армии погрузились на корабли и окончательно покинули Азию. За ними устремились тысячи беженцев из внутренних регионов. Многие из них давно перебрались в Смирну, которая теперь осталась без защиты, и со страхом ожидали наступления армии Мустафы Кемаля.

Турецкие солдаты вошли в Смирну 9 сентября. Они заверили жителей, что гражданские лица не пострадают, но греки и армяне отнеслись к этим обещаниям скептически. Они были наслышаны о жестоком обращении с гражданским населением в ходе этой войны. Общеизвестно, что греческая армия во время отступления убивала людей и сжигала деревни. Неужели турки не захотят отомстить? Особый страх испытывали армяне. Они боялись, что убийства и депортации времен геноцида 1915 года настигнут их и в 1922-м.

И их опасения очень скоро подтвердились. В первые же

дни турецкие войска окружили армянский квартал. Военные власти издали указ, согласно которому любой, кто будет прятать армян, приговаривался к смертной казни³⁶. А потом началась вакханалия насилия – мародерство, изнасилования и убийства. По рассказам очевидцев, в начале сентября на улицах армянского квартала валялись трупы, а в воздухе витал запах смерти³⁷. Через несколько дней ситуация еще усугубилась. Вечером 13 сентября в армянском квартале начался пожар, виновниками которого почти наверняка были турки. За несколько часов огонь охватил чуть ли не весь город. Спасаясь от пожаров, люди устремились на набережную. Они надеялись перебраться на корабли и оказаться в безопасности. Многие из тех, кому это удалось, разделили судьбу беженцев в Афинах, но у многих ничего не вышло. От описания происходящего у воды леденеет кровь: матери прижимали к груди тела погибших детей, по морю плавали трупы. По оценкам прессы, погибло около 120 тысяч человек. Современные историки с этими оценками согласны. По свидетельствам очевидцев, на улицах Смирны не осталось ни одного армянина: они либо скрывались, либо были убиты³⁸. 18 сентября в газете *Los Angeles Times* писали, что Смирна превратилась в «огромный склеп... на улицах валялись тела тех,

³⁶ Dobkin. Smyrna 1922. P. 132.

³⁷ Dobkin. Smyrna 1922. P. 150.

³⁸ The Irish Times. 18 September 1922. P. 5.

кто пытался бежать»³⁹. В Англии архиепископ Кентерберийский назвал резню в Смирне «одной из самых ужасных катастроф, известных современной цивилизации»⁴⁰.

В этой версии биографии Крикора Кальфаяна он непосредственно вовлечен в одно из самых трагических событий того времени. Но подобные колоритные истории о священнике и встречах с греческими генералами кажутся маловероятными. О них нигде больше не говорится, хотя они связаны с именами весьма известных людей. Впрочем, вполне возможно, что доля истины в них есть. Не являлись ли рассказы о бездарных генералах и недостойном священнике попыткой сублимировать травму и религиозное насилие начала 1920-х годов? Может быть, Крикор Кальфаян бежал из Смирны во время пожара, стал беженцем в Афинах и все придумал, чтобы подавить болезненные воспоминания? И вообще, был ли он когда-нибудь в Смирне? Ответ на последний вопрос неочевиден. В 1920-е годы появились другие версии его молодости, согласно которым он находился в самых разных местах.

В 1930 году Тахра Бей дал интервью армянской газете в Америке. В нем он повторил свою историю: в 1920 году он покинул Стамбул на борту корабля, но отправился не в Смирну, а в Египет. В краю древних тайн и чудес Тахра Бей

³⁹ Los Angeles Times. 18 September 1922. P. 1.

⁴⁰ The Times. 5 October 1922. P. 7. Изначально выступление архиепископа было опубликовано в Canterbury Diocesan Gazette.

изучал тайны факиров в древнем ордене мистиков. Он бродил по караван-сараям и кофейням, пока не нашел мудрого шейха аль-Фалаки, который открыл ему тайны оккультизма. Согласно этой версии, Тахра Бей три года учился у мистиков Египта, а затем отправился в Афины, чтобы донести послание факиров народам Европы⁴¹.

Последний вариант странствий Тахра Бея до приезда в Афины связан не со Смирной и не с Египтом, а с городом Салоники на севере Греции. И он приводит нас к неожиданному источнику: к семье легендарного французского певца армянского происхождения Шарля Азнавура, одного из самых известных и любимых всеми армян XX века. В индустрии развлечений Азнавур добился такого успеха, что превратился в настоящего светского святого. Когда в 2008 году он умер, на государственных похоронах в Париже присутствовали президент и премьер-министр Армении, а также три французских президента.

Мать Шарля Азнавура, Кнар, была двоюродной сестрой Крикора Кальфаяна. В начале XX века пути семьи много раз пересекались с путями харизматичного мистика, в том чис-

⁴¹ Интервью было опубликовано в газете Haigenik 20 июня 1930 года. Имя шейха аль-Фалаки в нем не упоминается, но оно присутствует в других интервью (например, в al-Lata'if al-Musawwara 31 октября 1927 года). Интересно, что история путешествия в Египет присутствует, хотя и противоречит хронологии, на более позднем этапе первого варианта биографии с приездом в Смирну в 1920 году. Менее сверхъестественное описание поездки в Египет можно найти в Ruz al-Yusuf. 1927, no. 105. P. 13.

ле в Стамбуле. Но дольше всего они общались в конце 1922 или начале 1923 года, когда семья Азнавур жила в Салониках⁴². Как и многие другие армянские беженцы, они пытались выжить любым способом. Бывший османский порт находился не слишком далеко от греко-турецкой границы. У Крикора Кальфаяна, который в то же самое время оказался в том же самом месте, были более амбициозные цели. Он хотел зарабатывать, убеждая людей в своих сверхъестественных способностях и владении неким тайным знанием. И для этого он использовал все возможности, от самых заурядных (продавал талисманы на удачу и флаконы с самодельным волшебным эликсиром) до необычайных (придумывал сложные уловки, чтобы убедить алчных и наивных жертв в том, что он может указать им места спрятанных кладов).

Отец Азнавур, Миша, какое-то время подрабатывал у Кальфаяна секретарем, когда тот оказался втянутым в аферу с начальником местной полиции и огромным кладом, который, по утверждению ясновидца, был спрятан в деревне неподалеку от Салоник. Кальфаян убедил алчного полицейского – «идеального голубя», как называл его в мемуарах Азнавур, – шесть месяцев вести в деревне раскопки в поисках сокровищ. Эта история произошла до рождения певца,

⁴² Семья приехала в Марсель в октябре 1923 года, поэтому встреча в Салониках должна была произойти до прибытия Тахра Бея в Афины. См. Laurent Wirth. *Le Madeleine et Le Papillon*. Paris: Armand Colin, 2022. P. 246.

но передавалась как семейное предание. «Чтобы заполучить сокровище, факиру абсолютно необходимо впасть в транс, то есть даже несколько трансов. Конечно, чтобы впасть в транс и медитировать все это время, факиру нужны деньги. Естественно, деньги эти дал начальник полиции... А тем временем рабочие копали землю по всей деревне. Они выкопали столько ям, что деревня стала напоминать сыр грюйер».

Время шло, клад не находился, «голубь» понял, что здесь ничего не найти, и пришел в ярость. Псевдофакир Кальфаян, страшась мести со стороны полицейского, в спешке покинул город, а Миша Азнавур остался без работы. Когда Кальфаян собирал вещи, Азнавур саркастически заметил, что драгоценные флаконы с волшебным эликсиром утратили силу и более не могут защитить своего создателя. Кальфаян, не настроенный шутить, раздраженно ответил: «Пойди помочись в них, чтобы они сработали». О том, что произошло впоследствии, Азнавур не пишет, но можно предположить, что Кальфаян покинул город и направился на юг, в Афины⁴³.

Различные версии странствий Крикора Кальфаяна по послевоенному Восточному Средиземноморью до прибытия в Афины в 1923 году часто полностью расходятся или не соответствуют хронологии. Но по сути своей история одна. Кальфаян вел жизнь армянского беженца. Неудивительно, что все места, где он якобы путешествовал (Смирна, Египет,

⁴³ Charles Aznavour. *Le Temps des Avants*. Paris: Flammarion, 2003. P. 32; Charles Aznavour. *Yesterday When I Was Young*. London: W. H. Allen, 1979. P. 3.

Греция), в начале 1920-х годов были неразрывно связаны с армянами. Его путешествия, пусть даже и вымышленные, отражают трудный путь тысяч беженцев после геноцида, Первой мировой войны и падения Османской империи.

В 1923 году харизматичный чудотворец с Востока Тахра Бей, явившийся, чтобы открыть народу Греции тайны факиризма, прибыл в Афины. За экзотической внешностью скрывался все тот же Крикор Кальфаян – чужак, принадлежащий к чуть было не уничтоженному народу. В его способности не чувствовать боли и восставать из мертвых для армян скрывалась мрачная ирония. В одной статье о нем, опубликованной в армянской газете в 1926 году, говорилось, что, «если бы каждый армянин был Тахра Беем и мог переносить удары мечей и кинжалов и восставать из могилы, «восточный вопрос» был бы совсем другим... Если бы армянский факир обладал хотя бы толикой патриотизма, он поделился бы с нами своими силами»⁴⁴

⁴⁴ Teotig, Amēnun tarets'oyts'ë: zbōsali u pitani. Istanbul, 1926. P. 683 (translated by Jennifer Manoukian). Цитата взята из статьи Ервана Одяяна в бейрутской газете Armenian Life в 1926 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.